

1902 г.

15 МАРТА.

№ 6.

ИЗВѢСТІЯ
ПО С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

ИЗДАЕМЫЯ ПРИ

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

Отдѣлъ официальный: Распоряженія Святѣйшаго Синода.—
Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Отдѣлъ неофициальный: Необходимость исповѣди.—О чемъ
пишутъ.—Радостная новость.—† Протоіерей М. П. Кедровъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

1902.

ИЗВѢСТІЯ

по С.-Петербургской Епархіи,

издаваемая при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Распоряженія Святѣйшаго Синода.

Указомъ Св. Синода, отъ 25 января 1902 г. за № 687, Михаило-Архангельская церковь города Ораніенбаума возведена въ соборную съ наименованіемъ ея Ораніенбаумскимъ Св. Архистратига Михаила соборомъ.

Указомъ Св. Синода, отъ 28 февраля сего же 1902 г. за № 1573, при Ораніенбаумскомъ Св. Архистратига Михаила соборѣ учрежденъ штатъ причта въ составѣ настоятеля, протоіерея, двухъ священниковъ, діакона и трехъ псаломщиковъ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Назначенъ на должность благочиннаго церквей III Новолодожскаго округа священникъ Тихвинской церкви села Мыгелова, Новолодожскаго уѣзда, **Михаилъ Кирилловъ**, 26 февраля.

Уволенъ отъ должности благочиннаго III Новолодожскаго округа протоіерей Солецкой церкви, Новолодожскаго уѣзда, **Димитрій Хованскій**, согласно прошенію, 26 февраля, съ объявленіемъ ему,

за долговременную службу, въ означенной должности, благодарности Епархіального Начальства.

Утвержденъ помощникомъ благочиннаго 1 Лужскаго округа священникъ Романшинской церкви, Лужскаго уѣзда, **Василій Бѣляевъ**, 7 марта.

Утвержденъ духовникомъ священно-церковно-служителей 1 Лужскаго округа священникъ Бутковской церкви, Лужскаго уѣзда, **Павель Вишняковъ**, 7 марта.

Опредѣленъ на священническую вакансію къ Подбережской церкви, Новоладожскаго уѣзда, заштатный священникъ церкви дома милосердія въ Лѣсномъ **Константинъ Лорченко**, согласно прошенію, 25 февраля.

Перемѣщены на священничесія вакансіи; къ Екатерининской церкви села Коложиць, Ямбургскаго уѣзда, второй священникъ Петропавловской церкви селенія Сестрорѣцка, С.-Петербургскаго уѣзда, **Петръ Малиновскій**, 26 февраля; къ Сестрорѣцкой Петропавловской церкви С.-Петербургскаго уѣзда, законоучитель С.-Петербургской Ларинской гимназіи, священникъ **Александръ Алексѣевъ**, 5 марта; къ С.-Петербургской Крестовоздвиженской, что въ Ямской, церкви священникъ Троицкаго, на Петербургской сторонѣ, собора **Полевкть Соболевъ** согласно прошенію 11 марта; къ Троицкому, на Петербургской сторонѣ, собору и приписной къ нему Крестовоздвиженской церкви священникъ церкви, что при образцовомъ пріютѣ Великой Княгини Александры Николаевны, въ г. С.-Петербургѣ, **Петръ Масловъ** согласно прошенію 11 марта.

Перемѣщенъ на предназначенную къ открытію вторую священническую вакансію къ Рождественской Сяської церкви, Новоладожскаго уѣзда, **Павель Скреминъ**, согласно прошенію, 25 февраля.

Опредѣленъ на штатную діаконскую вакансію при Симеоновской, что въ Моховой улицѣ, церкви, въ г. С.-Петербургѣ діаконъ на псаломщической вакансіи той же церкви **Федоръ Молчановъ**, 26 февраля.

Назначенъ на діаконскую вакансію къ церкви Орлово-Новосильцевскаго благотворительнаго заведенія, въ г. С.-Петербургѣ, псаломщикъ той же церкви **Николай Пруденскій** 12 марта.

Опредѣлены на псаломщическія вакансіи: къ Старопольской церкви, Гдовскаго уѣзда, учитель Большеволоцкой школы-грамоты, Пере-

дольскаго прихода, Лужскаго уѣзда, **Аленсѣй Ужинскій**, согласно прошенію, 8 марта; къ Помяловской церкви, Новолодожскаго уѣзда, бывший воспитанникъ С.-Петербургскаго Александро-Невскаго духовнаго училища **Василій Ильинскій**, согласно прошенію, 1 марта; къ церкви Александровскаго Кадетскаго Корпуса въ г. С.-Петербургѣ, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи **Стефанъ Любомировъ**, согласно прошенію, 27 февраля; къ церкви св. Петра Митрополита, что на Улянкѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, діаконъ на псаломщической вакансіи Ропшинской церкви, Петергофскаго уѣзда. **Митрофанъ Марковъ**, согласно прошенію, 26 февраля; къ Сумеоновской, что въ Моховой улицѣ, церкви, въ г. С.-Петербургѣ, студентъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи **Владиміръ Владиміровъ**, согласно прошенію, 26 февраля.

Опредѣленъ и. д. псаломщика къ Покровской церкви села Покровскаго, Шлиссельбургскаго уѣзда, пѣвчій хора Его Высокопреосвященства **Гавріиль Великій**, согласно прошенію, 9 марта.

Допущенъ къ исполненію обязанностей псаломщическихъ при церкви Орлово-Новосильпьевскаго благотворительнаго заведенія, въ г. С.-Петербургѣ, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи **Димитрій Осьминскій** 11 марта.

Перемѣщенъ на псаломщическую вакансію къ Новодеревенской Благовѣщенской церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, псаломщикъ церкви при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ **Павель Бѣляевъ**, согласно прошенію, 1 марта.

Иеродіаконъ Коневскаго Рождественскаго монастыря **Серафимъ**, согласно прошенію, резолюціей Его Высокопреосвященства зачисленъ въ число братства Черемнецкаго Іоанно-Богословскаго монастыря, съ откомандированіемъ его для служенія при Александро-Невской церкви Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, 26 февраля.

Перемѣщена къ Вартемягской Софійской церкви, С.-Петербургскаго уѣзда, просфорня Лукинской Успенской церкви, Шлиссельбургскаго уѣзда, **Параскева Ильинская**, согласно прошенію, 4 марта.

Опредѣлены просфорнями: къ Никольской Сяьской церкви, Новолодожскаго уѣзда, дочь умершей просфорни той церкви **Марія Богданова**, согласно прошенію, 4 марта; къ Гатчинской Кладбищенской, приписанной къ Павловскому собору, церкви вдова

псаломщика названнаго собора **Марія Виоанская**, согласно прошенію, 11 марта.

Утверждены законоучителями земскихъ училищъ въ Лужскомъ уѣздѣ: Сосѣдненскаго — священникъ Сосѣдненской церкви **Симеонъ Жемчужинъ**, съ 1-го марта 1902 г.; Поддубскаго, Пустошкинскаго, Березицкаго и Кренскаго — священникъ Поддубской церкви **Петръ Виноградовъ**, Шерегскаго и Городокскаго — священникъ Крицкой церкви **Павель Добряковъ**, послѣдніе двое съ 1-го ноября 1901 г.; всѣ 11 марта; Мершинской и Новинской земскихъ школъ священникъ Имоченской церкви, Новоладожскаго уѣзда, **Николай Ушаковъ**, 11 марта; Смоленской Воскресной школы для взрослыхъ, Смоленской Попечительской школы и двухъ среднихъ отдѣленій Смоленской земской шестиклассной школы — диаконъ Смоленской пригородни, С.-Петербургскаго уѣзда **Михаиль Тополевъ** 11 марта.

Допущенъ къ преподаванію Закона Божія въ Запольскомъ земскомъ училищѣ, Бѣльско-Сяберской волости, Лужскаго уѣзда, диаконъ Димитріевской церкви, въ Бѣльскомъ погостѣ, того же уѣзда, **Владиміръ Соколовъ**, съ 1 ноября 1901 г., 11 марта.

Допущенъ къ исполненію законоучительскихъ обязанностей въ земскихъ училищахъ: Доложскомъ и Русскомъ диаконъ Успенской церкви, въ Доложскомъ погостѣ, Гдовскаго уѣзда, **Іоаннь Воскресенскій**, впредь до выздоровленія законоучителя означенныхъ училищъ священника той же церкви **Константина Тихомирова**, 11 марта.

Назначенъ преподавателемъ Закона Божія въ 7-мъ Александроневскомъ городскомъ женскомъ училищѣ кандидатъ богословія С.-Петербургской Духовной Академіи **Иванъ Левчукъ**, 11 марта.

Утверждены въ должности старосты: къ Екатерининской Екатерингофской церкви, въ С.-Петербургѣ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Иванъ Александровичъ Хрущовъ** на 5 трехлѣтіе, 26 февраля; къ церкви городского училища, что при домѣ имени Императора Александра II, въ гор. С.-Петербургѣ, потомственный почетный гражданинъ **Иванъ Михайловъ Меншуткинъ** на 1-е трехлѣтіе, 26 февраля; къ Песейской Воскресенской церкви, Гдовскаго уѣзда, крестьянинъ **Василій Галантіоновъ** на 1-е трехлѣтіе, 26-го февраля; къ церкви Маріинско-Сергіевскаго пріюта, въ С.-Петербургѣ, С.-Петербургскій купецъ **Василій Ивановъ Гусевъ** на 2-е трехлѣтіе, 4 марта.

Утвержденъ составъ членовъ приходскаго Попечительства при Новосельской церкви, Гдовскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника **Василія Румянцева**, 11-го Марта.

Разрѣшено открыть приходское Попечительство при Покровскомъ Братскомъ храмѣ, что на Боровой улицѣ, въ С.-Петербургѣ и утверженъ составъ Попечительства, подъ предсѣдательствомъ священника названнаго храма **Петра Туманова**, 11 марта.

За смертію исключаются изъ списковъ: протоіерей С.-Петербургской Крестовоздвиженской, что въ Ямской, церкви **Михаилъ Кедровъ**, съ 5 марта; заштатный протоіерей Кронштадтской Троицкой Кладбищенской церкви **Николай Азіатскій**; штатный діаконъ Симеоновской, что въ Моховой улицѣ, церкви, въ гор. С.-Петербургѣ, **Николай Владиміровъ**, съ 22 февраля; псаломщики: Новодеревенской Благовѣшенской церкви С.-Петербургскаго уѣзда, **Сергій Боровскій**, съ 20 февраля, и Помяловской церкви, Новоладожскаго уѣзда, **Алексій Брянцевъ**, съ 12 февраля; псаломщикъ Покровской церкви села Покровскаго, Шлиссельбургскаго уѣзда, **Владиміръ Добряковъ**, съ 16-го февраля.

Необходимость исповѣди ¹⁾.

„Скрывающій свои преступленія не будетъ имѣть успѣха; а кто сознается и оставляетъ ихъ, тотъ будетъ помилованъ“ (Притч. Солом. XXVIII, 13).

„Блаженъ, кому отпущены беззаконія, и чьи грѣхи покрыты!“

Блаженъ человекъ, которому Господь не вмѣнить грѣха, и въ чьемъ духѣ нѣтъ лукавства!

Когда я молчалъ, обветшали кости мои отъ вседневнаго стенанія моего, ибо день и ночь тяготѣла надо мною рука Твоя; свѣжесть моя исчезла, какъ въ лѣтнюю засуху.

Но я открылъ Тебѣ грѣхъ мой и не скрылъ беззаконія моего; я сказалъ: „исповѣдаю Господу преступленія мои“, и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего“ (Пс. XXXI, 1—5).

„Признавайтесь другъ предъ другомъ въ проступкахъ“ (Іак. V, 16).

Для того, чтобы пустить снова въ ходъ старыя средства, вышедшія изъ моды или потерявшія кредитъ, опытные торговцы даютъ имъ обыкновенно новое имя и завертываютъ въ новую обложку; и покупатели, судящіе по внѣшности, — а такихъ всегда большинство, — съ

¹⁾ Эта статья принадлежитъ французскому писателю Вагнеру. Имя Вагнера уже давно пользуется извѣстностью во всей Западной Европѣ. На его лекціи въ Парижѣ стекается множество слушателей. Одинъ изъ критиковъ Вагнера такъ пишетъ о немъ: можно долгими часами, безъ усталы, слушать образную рѣчь этого эльзасца лютеранина, — хочется уловить его мельчайшія мысли, потому что и мельчайшія его мысли возвышенны и великодушны. Онѣ могли бы сдѣлать изъ насъ людей свободныхъ и мужественныхъ... Пока его прекрасныя книги не станутъ переходить изъ рукъ въ руки всего нашего скептическаго

жаднымъ любопытствомъ набрасываются на мнимую новинку.

Къ подобному обману прибѣгаютъ иногда ради испытанныхъ уже средствъ, прекрасныхъ самихъ по себѣ, но вслѣдствіе какихъ-нибудь злоупотребленій, лишенныхъ въ глазахъ людей цѣнности. Кто, напримѣръ, изъ насъ рѣшится рекомендовать всѣмъ постъ, называя его собственнымъ именемъ? Кто станетъ защищать его не во имя гигиены, а въ интересахъ нравственныхъ, религіозныхъ, общественныхъ, не опасаясь показаться смѣшнымъ или лицемернымъ? А сколько, между тѣмъ, существуетъ самыхъ вѣскихъ основаній къ тому, чтобы, перешагнувъ всѣ мнимыя препятствія, рѣшительно засвидѣтельствовать истину и тѣмъ оказать услуги человечеству! Основанія эти извѣстны болѣе или менѣе всѣмъ, и всѣми сознаются, но страхъ показаться смѣшнымъ удерживаетъ людей отъ прямоты: Они или молчатъ, или поступаютъ подобно упомянутымъ уже торговцамъ, т. е. перемѣняютъ марку подозрительнаго продукта и стараются сбыть его подъ другимъ названіемъ.

По нашему глубокому убѣжденію уступать такому искушенію низко! Разъ сознается нами долгъ предъ истиной, нужно имѣть и смѣлость исповѣдать ее открыто; въ противномъ случаѣ лучше ее и не затрогивать: великія вещи не нуждаются въ плохихъ защитникахъ. Вотъ почему, намѣреваясь говорить объ исповѣди, я не счи-

поколѣнія, я не успокоюсь и не перестану отсылать душевно-больныхъ ко врачу". Последней увлекательной книгой талантливаго и вдохновеннаго моралиста—являетъ его „Евангеліе и Жизнь“.

Изъ этой книги и взята статья „Необходимость исповѣди“, переведенная однимъ изъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Другая статья Вагнера „Богу или мамонѣ“ была нами помѣщена въ № 2 „Отдыха Христіанина“. Къ концу года мы надѣемся выпустить *всю* эту книгу Вагнера „Евангеліе и Жизнь“ отдѣльнымъ изданіемъ.

таю достойнымъ скрывать истинный предметъ своихъ разсуждений и буду называть все собственными именами.

* * *

Исповѣдь имѣеть цѣлую исторію, рассказывать которую было-бы, думается, бесполезнымъ трудомъ. Исповѣдь неоднократно была предметомъ религіозныхъ споровъ, неоднократно осуждалась и наконецъ была совсѣмъ отвергнута протестантской церковью. Нѣкоторыя попытки возстановить упавшее значеніе исповѣди не привели къ особенно замѣтнымъ результатамъ и мало отличались отъ той чисто-механической исповѣди, которая навлекла на себя уже издавна справедливыя негодованія. Все это совершенно вѣрно, но еще вѣрнѣе то, что эти попытки воочію убѣдили въ необходимости для людей исповѣди. Пусть исповѣдь въ глазахъ нѣкоторыхъ кажется вреднымъ наростомъ, выросшимъ на почвѣ этой неискоренимой потребности. Это еще не говоритъ противъ исповѣди. Мало-ли что осуждается людьми! Не тоже-ли самое бываетъ и со всѣми остальными врожденными стремленіями нашей природы? Развѣ они также не обезображиваются, не искажаются, не эксплуатируются? Мало-ли чѣмъ не злоупотребляютъ люди? Злоупотребленіе—одинъ изъ главныхъ враговъ и жизни, и Бога. Это—воръ и хищникъ, это—торговецъ, занявшій храмъ, это—цѣлая дикая орда, оскверняющая все святое и превращающее домъ молитвы въ грязный трактиръ! Никогда не нужно отступать передъ этимъ врагомъ, а хладнокровно и настойчиво продолжать разыскивать подъ всѣми этими гримасами и карикатурами истинный обликъ человѣка.

* * *

Душа každого человѣка полна таинственной глубины и скрываетъ въ себѣ необозримыя богатства, непрестанно

стремящіяся принять ту или иную форму и вылиться во-внѣ. Для исполненія этой работы мы обладаемъ въ совокупности формъ нашей матеріальной жизни, замѣчательнымъ орудіемъ. Подобно тому, какъ твореніе есть откровеніе Бога, его „свидѣтельство“ о Себѣ, какъ выразился поэтъ, такъ внѣшняя жизнь въ человѣкѣ, въ томъ случаѣ, когда она слѣдуетъ своему естественному развитію, есть передача знаками и символами того, что сокрыто внутри его существа. Скорѣе можно было бы воспрепятствовать сокамъ растений — подниматься отъ корня вверхъ, цвѣтамъ — распускаться изъ бутоновъ, листочкамъ — выбиваться изъ почекъ, чѣмъ преградить человѣческой природѣ возможность обнаруживаться во-внѣ. Это-то непреодолимое ничѣмъ стремленіе и придаетъ человѣку главный отпечатокъ существа нравственно-разумнаго и общежительнаго.

Высшее благополучіе человѣка обусловливается возможностью для него выраженія во-внѣ и смѣны различныхъ впечатлѣній, чувствъ, открытыхъ имъ истинъ и въ возможности осуществленія ихъ на дѣлѣ. Какъ скоро эта потребность въ обнаруженіи задерживается, въ человѣкѣ обнаруживаются болѣзненные симптомы, въ его внутренней, душевной жизни появляются смертельные раны, скорбная пустота. И чѣмъ больше увеличивается преграда къ обнаруженіямъ нашей личности, тѣмъ больше мы страдаемъ и тѣмъ больше вся жизнь наша начинаетъ походять на прозябаніе. Здѣсь кроется, между прочимъ, причина особенной тягости, которую чувствуетъ человѣкъ, лишаясь свободы. Тѣлесныя узы и духовное рабство, все, что стѣсняетъ природу и затрудняетъ ея естественный ростъ, неизбѣжно разрушаетъ здоровую жизнь и замѣняетъ ее уродливыми наростами. И съ какой энергіей, съ какой непобѣдимой силой отстаиваетъ

природа свои права. Отдѣлите человѣка отъ міра, пошлите его на необитаемый островъ: онъ будетъ дѣлать тысячу отчаяннѣйшихъ попытокъ замѣнить чѣмъ-нибудь отсутствіе подобныхъ ему существъ: онъ станетъ открывать свое сердце и душу далекимъ звѣздамъ, молчаливымъ былинкамъ, холоднымъ волнамъ,—въ самыя скалы онъ „душу вдохнетъ“, по выраженію Шиллера. Закройте для человѣка, наконецъ, и этотъ исходъ. Отдѣливши его отъ людей, отдѣлите его отъ самой природы, помѣстите его въ какую-нибудь скорлупу,—и что-же?... онъ заговоритъ съ стѣнами своей тюрьмы, съ летающей мухой, съ паукомъ, ткущимъ свою паутину, съ побѣгомъ блѣдной травки, пріютившейся въ грязной щели.

*
* * *

Невозможно представить даже, чтобы упомянутое стремленіе человѣческой природы къ обнаруженію во-внѣ, столь ярко притомъ выраженное, не проникло во всѣ сферы жизни. Въ области нравственной эта потребность въ обнаруженіи во-внѣ является въ собственномъ смыслѣ потребностью въ исповѣди. Никакого права мы не имѣемъ утверждать, будто нужно скрывать допущенное нами зло. Въ подтвержденіе я сошлюсь на дѣтей. Въ нихъ все внѣшнее представляетъ точное отображеніе внутренняго. Они не затрудняются говорить *все*; впоследствии лишь насмѣшки и обидныя замѣчанія взрослыхъ заставляютъ и дѣтей уходить въ себя, скрываться и лицемѣрить. Но кто не признаетъ, что эта ранняя скрытность—искусственный наростъ. Ихъ ранняя скрытность нѣсколько походитъ на рѣку, запруженную плотиной. Прососетъ вода рано или поздно свои преграды и разрушитъ плотину. Бываютъ моменты, когда скрытое дитя чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ только

потому, что некому ему высказать своего горя, и тогда онъ старается утопить это горе въ слезахъ. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть столь очевиднаго урока природы. Пусть мы не дѣти, пусть жизнь наша склоняется къ закату, душа у насъ та-же, что и у дитяти, и имѣетъ ту-же непреодолимую потребность къ обнаруженію. Все дѣтское, разумѣется, можетъ, дремать въ насъ, но умереть совсѣмъ оно не можетъ и пробьетъ часъ, когда и подъ сѣдыми волосами человѣкъ зарыдаетъ, какъ дитя. Несмотря на насильно навязанную намъ скрытность, въ насъ никогда не умретъ потребность высказать все, открыть свою душу, какъ дѣлами это въ годы счастливаго дѣтства. Кому-нибудь довѣриться всецѣло, отдаться такъ сказать всей душой человѣку, который васъ можетъ понять и оцѣнить—есть величайшее благо, испытанное нами въ то отдаленное прошлое дѣтства, которое кажется намъ теперь какимъ-то уголкомъ потеряннаго рая!

Даже преступники, эти огрубѣвшія душой существа, у которыхъ мало даже и слѣдовъ, что мы называемъ совѣстью, которые, обычно, все чистое и святое оскверняютъ своими издѣвательствами, — даже и эти люди рѣдко хранятъ вполнѣ свои тайны! Тайна будто жжетъ ихъ. Часто и безопасность ихъ зависитъ отъ безусловнаго молчанія, но этого-то молчанія они и не могутъ сохранить: открыться кому-бы то ни было не просто потребность, это прямо — необходимость, и потому такъ часто она проявляется въ насъ даже противъ нашей воли... Но увы! Современныя условія жизни создали для многихъ искреннихъ людей цѣлый источникъ мученій. Въ самомъ дѣлѣ не вынуждается ли нынѣ человѣкъ, далекій въ душѣ отъ лицемѣрія и ложнаго стыда, замыкаться въ самого себя и насильственно заглушать въ себѣ неискоренимую потребность сердца человѣческаго? Да кому и довѣриться?

Не лучше ли перестрадать все самому? Лучше унести свою тайну въ могилу, чѣмъ открыть ее недостойному. Кто достоинъ будетъ проникнуть въ то святилище скорби, которое именуется обыкновенно разбитымъ сердцемъ?

* * *

Я часто начертывалъ въ своемъ умѣ черты идеальнаго исповѣдника. Онъ много пожилъ и много вытерпѣлъ. Радость и горе, счастье и несчастье, побѣда и поражение—все пережито имъ. Ничто его не удивляетъ, но и ничто не проходитъ для него безслѣдно, ибо ничто человѣческое ему не чуждо. Онъ справедливъ и строгъ,— но тамъ, гдѣ приходится ему касаться душевныхъ ранъ, онъ имѣетъ материнскую нѣжность. Это—не обыкновенный человѣкъ, съ личными интересами и расчетами,— нѣтъ! это—человѣкъ, для котораго личное существованіе не важно, который чуждъ обычнаго индивидуализма. Онъ отрекся отъ всего, даже отъ воспоминаній. Онъ все понимаетъ и все выслушиваетъ, но не удерживаетъ у себя ничего. Ему, дѣйствительно, можно сказать: слушай, какъ еслибы ты былъ Богъ, и будь молчаливъ, какъ могила!

Для того, чтобы быть такимъ человѣкомъ, не достаточно имѣть извѣстное званіе или оффиціальное положеніе. Для этого нужно то крещеніе огнемъ, которое готовится скорбями, то кроткое снисхожденіе и миръ душевный, которые дѣлаютъ сердце человѣческое стойкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивымъ — чуждымъ злопамятства, страха и лести. Нужно имѣть въ себѣ гармоническое сочетаніе тѣхъ элементовъ божественныхъ и человѣческихъ, которые бы сдѣлали насъ самихъ нѣкотораго рода убѣжищемъ для всѣхъ, которые бы заставляли несчастныхъ и угнетенныхъ—подѣлиться съ нами ихъ горемъ, а грѣшника, закоренѣвшаго, быть можетъ,

въ преступленіяхъ, побудили бы чистосердечно исповѣдать предъ нами грѣхи ихъ. О, ты, идеальная, желанная фигура исповѣдника,—существуешь-ли ты гдѣ-нибудь на землѣ? Или тебя не найти на землѣ, какъ не найти и многихъ другихъ созданій нашего сердца?..

* *
*

Намъ предстоитъ теперь коснуться одного изъ важныхъ пунктовъ касательно затронутого нами предмета. Дѣло въ томъ, что общее направленіе умовъ нашего времени и общій укладъ жизни способствуетъ гораздо скорѣе развитію въ людяхъ недоувѣрія и подозрительности, чѣмъ взаимнаго доувѣрія другъ къ другу. Возраженія противниковъ исповѣди основываются, поэтому, такъ сказать, на самыхъ показаніяхъ жизни, и, по характеру своему, они довольно серьезны. Возмутительные факты насилій, уголовныя преступленія всякаго рода, различныя злоупотребленія — слишкомъ многочисленны для того, чтобы ихъ можно было отвергать. Все это не можетъ, конечно, способствовать развитію въ людяхъ доувѣрія къ своимъ духовнымъ отцамъ... — Согласимся пока, даже, съ тѣмъ, что въ наши дни нѣтъ и не можетъ быть *идеальныхъ* исповѣдниковъ, сильныхъ словомъ и дѣломъ. Что-же изъ того? Вѣдь, еслибы и нашелся этотъ идеальный исповѣдникъ, его могло-бы понять и оцѣнить лишь значительное меньшинство людей. Потребность въ исповѣди останется навсегда неискоренимымъ закономъ человѣческой жизни, переживетъ всѣ разочарованія и скорби земного странствованія, и окажется безсмертной, какъ безсмертна любовь, столь часто подвергающаяся заушенію, оплеванію, смерти даже, — и однако-же возстающая постоянно изъ своего пепла, какъ таинственный фениксъ!..

* *
*

Быть можетъ, скажетъ кто-нибудь, что есть и всегда былъ неизмѣнный и незамѣнимый исповѣдникъ, всѣхъ, цѣлитель душъ и тѣлесъ, исповѣдникъ благой и крѣпкій, справедливый и милостивый — Богъ.

На это можно было бы просто замѣтить лишь, что такого исповѣдника еще недостаточно. Я не хочу сказать этимъ, что недостаточна исповѣдь предъ Богомъ, понимаемая во всемъ широкомъ значеніи этого слова, но, когда мы обманываемъ и причиняемъ обиды своему ближнему, естественно хочется сначала примирить свою совѣсть, съ совѣстью ближняго, или, если этого нельзя сдѣлать непосредственно, излить свою скорбь и раскаяніе предъ подобнымъ же намъ существомъ. И, подобно тому, какъ любовь къ ближнему предшествуетъ въ насъ любви къ Богу, такъ и исповѣдь предъ подобными себѣ лучше всего можетъ уготовить сердце наше къ исповѣди Богу живому и кроткому...

Мы погибаемъ отъ лжи, лести, коварства; двойственность поражаетъ насъ, какъ моровое повѣтріе. Иногда мы способны бываемъ возразить на слова Спасителя: „Никто не можетъ служить двумъ господамъ“... — Почему-же нѣтъ? Вѣдь мы-же въ состояніи служить одновременно не только двумъ, но и тремъ, четыремъ господамъ, служить притомъ съ одинаковымъ усердіемъ и ревностью?... И говорятъ это зачастую не атеисты, не порочные въ глазахъ общества люди, а самые благонамѣренные изъ насъ, пользующіеся всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ! Многіе ли изъ насъ способны хладнокровно и вполнѣ справедливо посмотришь на свои поступки? Совершенно безсознательно всѣ мы въ большинствѣ случаевъ руководимся однимъ и тѣмъ-же принципомъ: когда *я* или сочувствующіе *мнѣ* совершаютъ извѣстный поступокъ, онъ хорошъ; когда-же его дѣлаешь

ты, или твои друзья — мои недруги, — онъ дурень. Поистинѣ, нашъ вѣкъ для будущихъ моралистовъ представить золотое дно. Они скажутъ о насъ, навѣрно: богатыя, плодovitыя это были натуры, полныя самыхъ неожиданныхъ противоположностей и контрастовъ. У нихъ были объ одномъ и томъ-же предметѣ различныя мнѣнія; укрѣпиться на чемъ-нибудь одномъ они не могли, такъ какъ слова и дѣла ихъ взаимно уничтожали другъ-друга, вслѣдствіе чего и вся жизнь ихъ была однимъ мѣражемъ и призракомъ. Этотъ духъ лжи и отрицанія проникъ во всѣ сферы жизни. „Казаться добрымъ“ стало замѣнять собою „быть добрымъ“. Показная сторона во всемъ подавила собою дѣйствительность... а вѣдь одна правда должна была-бы служить основой жизни общества человѣческаго. Въ мѣрѣ человѣческомъ правда — тоже что вѣчные законы гармоніи въ мѣрѣ звѣздномъ. Но правда и истина на землѣ немислимы безъ самопожертвованій всякаго рода. И первое изъ нихъ состоитъ въ личномъ самопожертвованіи, въ признаніи предъ алтаремъ истины своихъ грѣховъ.

Каждый изъ насъ носить въ сердцѣ своемъ цѣлый мѣръ тайныхъ слабостей и даже пороковъ, который онъ старается скрыть во что-бы то ни стало отъ взоровъ постороннихъ. Съ трудомъ лишь сознается онъ въ нихъ самому себѣ. И въ этой скрытности лежитъ источникъ той инертности, той слабости воли, того сомнѣнія и недовѣрія проникающихъ во всѣ сферы жизни, которыми такъ страдаетъ современное поколѣніе. Смѣлые и бодрые духомъ съ виду мы носимъ подъ личиною тяжкія раны, истощающія наши жизненныя силы. Вмѣсто того, чтобы кричать о помощи, мы упорно молчимъ и съ устъ нашихъ почти ни разу не срывается стонъ: „я страдаю, умираю, — приди мнѣ на помощь!...“

И почему мы молчимъ? Быть можетъ, боимся потерять себя, унизить въ глазахъ своего духовника... Но опасаться потери добраго имени, которое, въ сущности, даже и не принадлежитъ намъ, а относится къ той личинѣ, которую мы разыгрываемъ въ глазахъ людей, по меньшей мѣрѣ не основательно: правда не убиваетъ расположенія и никого не отталкиваетъ, если только эта правда сознается самимъ виновникомъ и составляетъ предметъ его искренняго раскаянія. Невольно припоминаются здѣсь тѣ неразрывныя узы, которыя связывали Иисуса Христа и Его апостоловъ. Какое глубокое страданіе и отеческая нѣжность къ бѣдному грѣшнику! Страждущее созданіе человѣческое обновляется и возрождается въ этомъ духовномъ союзѣ. На кроткое снисхожденіе и любовь оно отвѣчаетъ самую глубокою преданностью: Ты узналъ меня и все-таки любишь: даю Тебѣ жизнь свою, которую Ты спасъ отъ гибели!

Иисусъ Христосъ, обращаясь съ людьми, предъ ихъ же духовнымъ взоромъ раскрывалъ ихъ собственную жизнь. Заставляя ихъ почувствовать все ничтожество ихъ, о которомъ они и подозрѣвать не могли, Онъ въ то-же время давалъ имъ такое богатство жизни, нѣжности, красоты божественной, что все, что было имъ извѣстно ранѣе, отходило на задній планъ и они становились дѣйствительно „новыми“ созданіями. Онъ такъ глубоко проникъ въ ихъ существо, что міръ и все, что въ мірѣ стало казаться имъ чуждымъ и мало привлекательнымъ.

Образъ Христа долженъ всегда предноситься взору нашему, образъ отца, прощающаго грѣшнаго сына, пастыря, разыскавшаго овцу пропавшую, да побудятъ насъ сорвать съ себя маску лицемѣрія и двойственности, и предъ пастыремъ духовнымъ, въ невидимомъ присутствіи

Христа, очистить себя исповѣдью отъ всякой скверны плоти и духа...

О чемъ пишутъ.

Кумиры современности.

(„Русскій Листокъ“).

Одно изъ тяжелыхъ, болѣзненныхъ явленій переживаемой нами современности это — упадокъ религіозныхъ вѣрованій, нравственно-христіанскихъ руководящихъ принциповъ въ душѣ современнаго человѣка.

Явленіе это настолько широко и ярко, что доказывать его наличность не представляется надобности, и поскольку оно переживается Западомъ, мы не будемъ его касаться, оставивъ въ сторонѣ даже любопытную подробность, — въ какой мѣрѣ мы — православные русскіе — заимствовали оттуда отголоски свободы отъ религіи вмѣстѣ съ цѣлой серіей иныхъ, весьма различныхъ, свободъ, — въ чемъ едва-ли можно сомнѣваться.

Было время — и пожалуй очень недавно — когда народъ, „черный народъ“, всегда приходилъ невольно на умъ всякому, кто, говоря объ интеллигентномъ безвѣріи, искалъ положительныхъ противопоставленій.

Это время было еще значительно позднѣе славянофиловъ. Еще восьмидесятые и, пожалуй, начало девяностыхъ годовъ могутъ быть отнесены къ этому благословенному времени.

Расцвѣтъ фабричной промышленности, ея усиленное насажденіе, чрезвычайный спросъ на рабочія руки — чисто экономическіе факторы — являются гранью въ исторіи народной нравственности. Загудѣли фабричные свистки, застучали маховики, зажужжали шпульки. За этимъ хаотическимъ, оглушающимъ шумомъ едва сталъ слышенъ

звонъ церковнаго колокола. Фабричный весь ушелъ въ интересы субботней полочки. Цѣлую недѣлю находясь подъ гипнозомъ изнуряющаго физическаго труда, онъ сталъ искать въ единственный праздничный день не разумнаго отдыха и удовлетворенія духовнаго интереса, а новаго оглушающаго гипноза, встряски безумнаго веселья, алкогольнаго одурманенья. Въ серединѣ межъ этихъ двухъ ненормальныхъ возбужденій — чрезмѣрнаго труда и разгула — не было мѣста уравновѣшенному самоуглубленію, которое не покидало крестьянина, не оторвавшагося отъ сохи. Конечно здѣсь дѣло не въ томъ одномъ, что этой оторванностью отъ внутренняго анализа переболѣло въ теченіе девяностыхъ годовъ около полутора милліона фабричныхъ рабочихъ Россіи, а въ томъ, что черезъ посредство ихъ фабричное нравственное растлѣніе занесено было въ деревню, въ глушь медвѣжьихъ угловъ и волчьихъ перебѣговъ.

Безпочвенное невѣріе стало достояніемъ цѣлаго класса „бывшихъ людей“, которыхъ въ строгомъ смыслѣ нельзя титуловать интеллигентами. Народился новый классъ какъ будто изъ народа, близкій къ нему, плоть отъ его плоти, — по духу безвѣрія родственныи однако интеллигенту. Явленіе знаменательное.

Можно еще мириться съ тѣмъ, что въ интеллигентной средѣ, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ богослововъ-апологетовъ, „локомотивъ знанія, поставленный на рельсы мышленія, неуклонно подѣвжалъ къ первой станціи — невѣрію“.

Но какъ мириться съ тѣмъ, что невѣріе оказывается станціей на пути порожняго состава поѣзда?! А вѣдь грустное явленіе нашихъ дней и состоитъ въ томъ, что по рельсамъ доморощеннаго „мышленія“ къ роковой станціи катятъ и катятъ пустые поѣзда...

Для объясненія все возрастающаго упадка нравственныхъ устоевъ, усиливающагося расшатыванія религиозныхъ основъ не совсѣмъ безъ основанія довольно часто указываютъ на экономическія причины. Бѣдность, гнетъ нужды, алчность къ пріобрѣтенію, боготвореніе капитала, словомъ, для однихъ борьба за необходимое для существованія, для другихъ увлеченіе собираніемъ въ житницы сокровищъ, дѣйствующее опьяняюще—вотъ два наркоза, подъ влияніемъ которыхъ тупѣетъ мысль о нравственномъ совершенствованіи.

Богъ и Мамона никогда не уживались въ нравственномъ обиходѣ человѣка. Коррективъ раздвоенности одновременнаго служенія двумъ господамъ издавно выразился въ формѣ благотворительности. Это кубокъ, бросаемый относительно счастливыми въ видѣ искупленія въ бездну нищеты и отчаянія. Но это—и указаніе на инстинктивную потребность нравственнаго самоочищенія.

Нигдѣ, ни у одного народа, ни въ одной странѣ жертва не имѣетъ столь ярко выраженнаго характера этого самоочищенія, какъ у насъ, въ Россіи. Это своего рода общественное покаяніе.

Есть другой видъ и другая форма нравственнаго самоочищенія—сознаніе и убѣжденность въ несомнѣнной пользѣ своего общественнаго служенія, алтаремъ котораго есть общественная дѣятельность. Заблужденіемъ въ этой условной религіи, кстати, очень часто вытѣсняющей абсолютную и истинную, считается преслѣдованіе личныхъ цѣлей подъ флагомъ общественнаго служенія, истинной вѣрой—отдаваніе души и всѣхъ помысловъ общественному дѣлу. Сознаніе безупречности своего отношенія къ общественному дѣлу, святости своей работы и чистоты ея выполненія даетъ внутреннюю нравственную уравновѣщенность, на которой люди почіютъ какъ на

лаврахъ, и никакой иной, даже неизмѣримо высшій идеалъ не въ состояннн часто вывести ихъ изъ блаженнаго самодовольства неузвимости—самодовольства довольно односторонняго и ограниченнаго, но весьма понятнаго въ наше время, когда культъ этого, далеко не новаго божества — общества — пріобрѣтаетъ тысячами новыхъ сторонниковъ.

Фабрика, какъ олицетвореніе идола экономическихъ интересовъ, какъ Молохъ, пожирающій чистые и ясные идеалы народной русской души; капиталъ въ его чистомъ видѣ, какъ стягъ, вокругъ котораго кипитъ непрерывающійся бой за обладаніе необходимымъ или только соблазнительнымъ, и увлеченіе „общественностью“ въ средѣ интеллигентныхъ идолопоклонниковъ вотъ кумиры, застилающіе своей тѣнью завѣты христіанской мысли и сердца, идеалы чистой вѣры, живой религіи.

Радостная новостъ.

Спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями весьма важною для нихъ новостію. Еще въ № 29—30 „С.-Петербургскаго Духовнаго Вѣстника“ за 1900 г. были сообщены свѣдѣнія о тогдашнемъ положенн дѣла по составленію новаго устава о пенсіяхъ и пособіяхъ епархіальному духовенству и его семействамъ, при чемъ на страницахъ 350—352 былъ напечатанъ и самый проектъ этого устава, выработанный, по распоряженію г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ Хозяйственномъ Управленн при Св. Синодѣ и рассмотрѣнный въ совѣщанн изъ должностныхъ лицъ центральныхъ управленн духовнаго вѣдомства. Послѣ того, проектъ „устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священно-церковно

служителямъ епархіального вѣдомства и семействамъ ихъ“ всесторонне обсуждался въ особой, Высочайше учрежденной, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, изъ представителей вѣдомствъ — финансовъ, государственнаго контроля, юстиціи и духовнаго, коммисією, которою въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ былъ измѣненъ и исправленъ, а за тѣмъ разсматривался самимъ Св. Синодомъ. — Нынѣ, какъ мы знаемъ изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ, онъ — въ одобренномъ Св. Синодомъ видѣ — уже внесенъ на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе въ Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ, не далеко, быть можетъ, и то время, когда вновь проектируемое обезпеченіе заштатныхъ священно-церковно служителей епархіального вѣдомства и вдовъ и сиротъ епархіального духовенства станетъ совершившимся фактомъ.

Протоіерей М. П. Кедровъ.

5-го марта, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, скончался протоіерей С.-Петербургской Крестовоздвиженской, что въ Ямской, церкви и благочинный 3-го столичнаго округа, Михаилъ Петровичъ Кедровъ. Почившій былъ сыномъ протоіерея же и той же Крестовоздвиженской церкви, родился въ 1849 г. По окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата богословія, онъ въ 1876 г. былъ рукоположенъ во священника прямо къ названной церкви, при которой и оставался до самой смерти. Въ теченіе своей двадцатипятилѣтней службы о. Михаилъ, кромѣ собственно-приходскихъ пастырскихъ обязанностей, проходилъ еще много другихъ обязанностей и при томъ самыхъ разнообразныхъ. Такъ, онъ былъ членомъ: временнаго ревизіоннаго комитета по повѣркѣ экономической отчетности различныхъ епархіальныхъ учреждений (1878—1888 г.г.), правленія Александро-Невскаго духовнаго училища и попечительства объ увольняемыхъ ученикахъ изъ С.-Петербургской духовной семинаріи и Александро-Невскаго училища (1884—1890 г.г.), Распорядительнаго комитета общества вспоможенія недостаточнымъ воспитанницамъ Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища, причемъ исполнялъ и должность секретаря этого общества, — правленія эмеритальной кассы

духовенства С.-Петербургской епархіи (1887—1889 г.г.), Строительной комиссіи по постройкѣ Александро-Маринскаго богадѣленнаго дома и епархіальнаго свѣчнаго завода. Кромѣ того, онъ состоялъ законоучителемъ въ нѣсколькихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, наблюдателемъ надъ народной читальней, находящейся на углу Рузовской улицы и Обводнаго канала въ С.-Петербургѣ, — помощникомъ благочиннаго церкви 3-го столичнаго округа (четыре трехлѣтія по выбору духовенства) и наконецъ — благочиннымъ (съ 1895 г.). За свои служебныя заслуги Михаилъ Петровичъ былъ награжденъ всѣми знаками отличія до ордена св. Анны третьей степени включительно, помимо которыхъ имѣлъ еще золотой наперсный крестъ съ драгоценными украшеніями, поднесенный ему въ 1891 году его духовными дѣтьми и почитателями. Въ санъ протоіерея былъ возведенъ въ 1897 г. Покойный былъ человѣкомъ самыхъ высокихъ и привлекательныхъ душевныхъ качествъ и на всѣхъ поприщахъ дѣятельности своей пользовался всеобщою любовью и глубокимъ уваженіемъ.

Яркую характеристику почившаго далъ сослуживецъ покойнаго о. протоіерей Гуляевъ въ своемъ надгробномъ словѣ.

„Не стало между нами, говорилъ онъ, добраго, кроткаго, привѣтливаго, благожелательнаго, любящаго и любимаго о. Михаила. Лишился нашъ храмъ старѣйшаго изъ своихъ священниковъ, лишился нашъ приходъ добрѣйшаго изъ своихъ пастырей, лишился нашъ причтъ любезнѣйшаго изъ своей среды. Лежитъ онъ теперь предъ нами бездыханенъ, а часа черезъ два гробовая крышка навсегда закроетъ отъ насъ его тѣло, а затѣмъ и самый гробъ его сокроется въ землѣ, а може вси человѣцы пойдемъ“.

„*Покойный былъ человекъ рѣдкой доброты*:—онъ не умѣлъ отказывать просящимъ;—стѣснить самого себя, лишить себя спокойствія, потрудиться и потратиться;—отдать послѣднее, войти даже въ долгъ для того, чтобы сдѣлать угодное и пріятное другому, иногда лицу даже во все неизвѣстному,—было постояннымъ правиломъ его жизни.—Благодаря сему, онъ, прослуживши 26 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, могущемъ обезпечить и семейнаго человека, онъ рѣшительно ничего не оставилъ своему семейству, не оставилъ даже и на свое погребеніе. *Покойный былъ человекъ нестяжательный*, не умѣлъ беречь, не любилъ копить, онъ нерѣдко говорилъ о себѣ, что кромѣ долгу у него ничего нѣтъ,—дайте ему сколько угодно, все равно, завтра же у него ничего не будетъ, и онъ снова останется ни съ чѣмъ, и это совершенная правда.—*Покойный былъ человекъ въ высшей степени миролюбивый*:—ссоръ онъ терпѣть не могъ, при каждой размолвкѣ онъ усердно искалъ примиренія, всегда первый, и иногда вполне правый, онъ шелъ просить прощенія даже и у того, кто предъ нимъ виноватъ былъ самъ. *Покойный былъ человекъ трудолюбивый*,—празднаго, свободнаго времени у него никогда не было. Никогда не отказывался ни отъ какихъ порученій, какъ бы ни были они тяжелы и непріятны. Въ приходѣ онъ работалъ больше всѣхъ своихъ товарищей: во всякое время дня и ночи онъ готовъ былъ итти къ кому угодно и куда угодно, часто самъ вызывался потрудиться за другого, и отказывался только тогда, когда исполнить просьбу не имѣлъ рѣшительно никакой возможности“.

„Недаромъ его, любящаго и прощающаго всѣхъ, всѣ и любили, недаромъ прихожане почтили его въ день 15-ти-лѣтія его службы поднесеніемъ золотого наперснаго креста съ украшеніями;—недаромъ его сослуживцы

и родные собрались къ нему привѣтствовать его по случаю 25-ти-лѣтія его супружеской жизни;—недаромъ въ день 25-ти-лѣтія его служенія въ священномъ санѣ—и всѣ пѣдвѣдомые ему какъ благочинному, священно и церковно-служители, и всѣ его сослуживцы по храму, и прихожане почтили и цѣнными подарками и многими прочувствованными привѣтствіями; недаромъ на первой надъ нимъ панихидѣ его сослуживцы не могли удержаться отъ слезъ.—Такихъ людей, какимъ былъ покойный о. Михаилъ, очень немного. Нелегко съ нимъ разставаться, нельзя не пожалѣть о разлукѣ съ нимъ.

„Но что же дѣлать? Такова безъ сомнѣнія всеблагая воля Божія, чтобы онъ отошелъ отъ насъ. Немного, всего лишь 52 года, прожилъ онъ на свѣтѣ. Но жизнь и смерть каждаго человѣка находятся въ рукахъ Божіихъ. У содержащаго въ своей власти времена и лѣта ничего не бываетъ неблаговременно. Нельзя, посему, сомнѣваться, что и покойный отошелъ отъ насъ въ иной міръ во благовременіи, отошелъ потому, что созрѣлъ уже для вѣчной жизни“.

„Собрались мы къ нему теперь послѣдній разъ, чтобы совершить надъ нимъ послѣднее надгробное пѣніе и дать ему послѣднее цѣлованіе, проститься съ нимъ до времени всеобщаго воскресенія. Наши похвалы теперь ему не нужны. Накакихъ подарковъ, какъ внѣшнихъ выраженій нашей любви, нашей признательности къ нему отъ насъ теперь не требуется. Теперь ему нужны однѣ только наши молитвы о немъ. *Братія мои возлюбленніи, не забывайте мя, егда поете Господа, но поминайте и братство, и молитте Бога, да упокоитъ мя съ праведными Господь.* Такъ говоритъ намъ отъ лица покойнаго Св. Церковь. Помолитесь о себѣ покойный постоянно и самъ во время своей жизни просилъ всѣхъ при каждомъ

прощаніи. Исполнимъ же эту и всегдашнюю при жизни и послѣднюю уже изъ гроба его просьбу къ намъ. Онъ самъ молился много и ъ многихъ, въ теченіе 26-ти лѣтъ-няго своего священства въ этомъ святомъ храмѣ, многихъ онъ просвѣтилъ св. крещеніемъ,—многихъ супруговъ онъ соединилъ св. таинствомъ брака, многихъ кающихся онъ разрѣшилъ во время св. постовъ, многихъ больныхъ онъ напутствовалъ св. таинствами, надъ многими умершими онъ совершалъ чинъ погребенія. Молился онъ о насъ, теперь же мы помолимся о немъ. Наши молитвы о немъ только и послужатъ для него теперь самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ выраженіемъ нашей любви и преданности къ нему“.

„Затѣмъ, добрыя качества его души, которыя располагали къ нему всѣхъ: его сердечность, отзывчивость, привѣтливость, кротость, миролюбіе, нестяжательность пусть вызовутъ въ насъ рѣшительное желаніе подражать ему. Это будетъ вторымъ и также дорогимъ для него выраженіемъ нашей любви къ нему.

Его добрыя качества при усердной нашей молитвѣ объ оставленіи ему всѣхъ вольныхъ и невольныхъ его прегрѣшеній даютъ намъ право съ вѣрою и упованіемъ сказать при послѣднемъ цѣлованіи слѣдующее, составленное церковью, привѣтствіе почившему: — *„въ вѣрѣ и надеждѣ, и любви, и кротости, чистотѣ и въ священническомъ достоинствѣ пожилъ еси приснопамятне, тѣмъ же ты превъчный Богъ, Ему же и работалъ еси, самъ вчинитъ духъ твой, въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, идѣже праведнии упоковаются, и получиши на судъ Христовъ оставленіе, и велию милость“.*

Редакторъ Священникъ *А. Рождественскій.*

Предсмертныя думы о. Алексѣя.

I.

Уже 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ о. Алексѣй съ благоговѣйнымъ трепетомъ и смиреніемъ въ первый разъ вступилъ въ храмъ Владимірской Божіей Матери служить литургію. Искренно и горячо молился тогда о. Алексѣй предъ Престоломъ Божіимъ за дарованную ему Богомъ паству и за весь міръ христіанскій. Въ религіозномъ экстазѣ сильно и возбужденно работала юная, еще полная свѣтлыхъ образовъ мысль, быстро переносясь отъ одного религіозно-историческаго образа къ другому и возстановля ихъ въ воображеніи до ясности, близкой къ реальной дѣйствительности. Каждый его возгласъ, особенно, произнесеніе тайнодѣйственныхъ словъ Самого Спасителя дышали такою искренностію молитвы, силою любви и возвышенностію религіознаго настроенія, что всѣ присутствовавшіе въ храмѣ невольно, непонятно и незамѣтно для себя, поддались обаянію такого служенія священника и усиленно, горячо молились. Въ концѣ литургіи о. Алексѣй вышелъ къ народу съ рукописью въ рукахъ и сказалъ имъ еще не твердымъ, но сильнымъ голосомъ теплое отъ избытка любви, искреннее по силѣ убѣжденій, воодушевленное и возвышенное по полнотѣ свѣтлыхъ стремленій и надеждъ слово. Сразу полюбили прихожане своего новаго пастыря и многіе не замедлили тотчасъ же высказать это въ глаза о. Алексѣю. Не безъ благодѣтельнаго вліянія и на самого о. Алексѣя оказалась эта служба. Онъ въ этотъ разъ сразу понялъ, что нужно народу, чего онъ

ищетъ отъ Церкви и ея пастырей, какая въ немъ жажда религіозной жизни и какъ легко одною силою искренней любви къ своему служенію и народу можно приковать къ себѣ сердца пасомыхъ. И въ этотъ разъ положилъ онъ въ сердца своемъ быть навсегда горячимъ и искреннимъ молитвенникомъ за страждущій отъ духовныхъ недуговъ міръ христіанскій и — носить въ сердца своемъ любовь Христову. Съ этого времени вся жизнь о. Алексѣя, можно сказать, протекла въ молитвѣ и въ самоотверженномъ служеніи религіозно-нравственнымъ нуждамъ и недугамъ его паствы. Рано утромъ встанетъ онъ, никого не побезпокоивъ, помолится, сходитъ къ утрени и литургіи, вернется домой и сейчасъ-же за чтеніе Слова Божія или духовныхъ писателей, и читаетъ, пока не оторвутъ его отъ любимаго занятія или обѣдать, или на потребу; сходитъ къ Вечернѣ, удѣлитъ немного времени семьѣ, опять за книгу, или напишетъ что, а потомъ закроетъ двери своего кабинета и снова на молитву. Молитва была самымъ любимымъ занятіемъ о. Алексѣя. Молился онъ горячо, до религіознаго экстаза. Онъ забывалъ тогда все плотское, даже терялъ ощущение физической усталости, переутомленія и боли въ ногахъ отъ продолжительнаго стоянія на колѣняхъ, онъ весь обращался въ лицезрѣніе Милосердаго и Любвеобильнаго Бога. Такъ свершивъ уставомъ положенное правило для готовящихся къ служенію литургіи священниковъ, онъ продолжалъ молиться своею молитвою, словами своего любвеобильнаго сердца за свою паству и за весь міръ. Тутъ онъ обращался, по вѣрѣ въ свой санъ, въ смѣлаго, самоувѣреннаго и неотступнаго ходатая предъ Богомъ за грѣхи и скорби людскіе. И о чемъ только онъ ни молился тутъ? Сознавая важность такого своего предстательства предъ Богомъ, онъ предварительно, какъ самый строгій критикъ, до мельчайшихъ подробностей разберетъ все наличное и прошлое содержаніе своей души, безпристрастно взвѣситъ каждую свою мысль, каждое слово, каждое движеніе сердца, за все худое перестрадаетъ въ сердца своемъ сокрушеніемъ и раскаяніемъ какъ-бы предъ лицомъ Самого Бога. Потомъ уже молился онъ за всю церковь Божию, за отпадшихъ и слабыхъ членовъ ея и за сое-

диненіе всѣхъ народовъ подъ Одну Главу Ея, — за все священство, за всѣхъ поставленныхъ во власти, за всѣхъ труждающихся о Имени Господнемъ: учащихъ, учащихся, проповѣдующихъ слово Божіе, врачей, благотворителей, утѣшителей, миротворцевъ; за всѣхъ плачущихъ, скорбящихъ и страждущихъ отъ болѣзней, обидъ, притѣсненій, неправды, нищеты, разлуки на вѣки съ любимымъ человѣкомъ, о путешествующихъ, о живущихъ брачною и дѣвственною жизнію, о старцахъ и младенцахъ, о милостивыхъ и ненавистникахъ, о всѣхъ молящихся и просившихъ его молитвъ. И каждому онъ тутъ просить у Бога своего, — что кому нужно для личнаго спасенія, или утѣшенія, или для общественнаго блага, а главнымъ образомъ для славы Церкви Божіей. И такъ, молился онъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ въ сердцѣ своемъ, что любовь его какъ-бы вся излилась и уста больше не въ силахъ произносить свободное слово. Тогда сердце его наполнялось тихою радостію и какимъ-то неземнымъ миромъ и покоемъ, и онъ шелъ подкрѣпить свои изнуренныя силы сномъ. Про эту благодатную силу молитвы онъ всѣмъ говорилъ, желая доставить такое же счастье и другимъ. Никто кромѣ его семьи не зналъ про эти ночные труды и подвиги о. Алексѣя, и онъ строго оберегалъ эту тайну отъ постороннихъ. Жена о. Алексѣя не безъ страха за здоровье своего мужа смотрѣла на эти его изнурительные подвиги и не разъ уговаривала сократить такую ревность, указывала на умѣренность въ этомъ отношеніи другихъ его братьевъ, изрѣдка иногда смѣялась надъ нимъ, что и одежды-то на него не напасешься. Тяжелы были для него эти замѣчанія, но онъ не сердился, потому что былъ убѣжденъ, что это искушеніе отъ злого духа. Бывало только скажетъ спокойно: „и безъ тебя, Лиза, много меня искушаетъ и мучитъ діаволъ и ты еще хочешь тѣмъ же пытаться меня, какъ по твоему Богъ-то великъ? любовь-то Его велика? а судъ то Его страшенъ? тебѣ забывать это не надо, а мнѣ такъ и стыдно и недостойно моего сана; съ тебя Богъ взыщетъ за тебя, а съ меня за всѣхъ“. Къ прихожанамъ о. Алексѣй относился съ одинаковою любовію. Зовутъ-ли его на требу къ богатому, или къ бѣдному, одинаково тотчасъ

же идетъ. У него было строжайше наказано прислугѣ въ случаѣ просьбы на потребу, немедленно докладывать ему во всякое время дня и ночи. Въ случаѣ же экстренной требы онъ, къ огорченію своей матушки, бросалъ вначалѣ и въ срединѣ обѣдъ, и еще неостывшій послѣ ванной тотчасъ же, не медля, шелъ на потребу. А какъ онъ исполнялъ требы? Окрестить младенца, сдѣлаетъ родителямъ и воспріемникамъ внушеніе о ихъ нравственныхъ обязанностяхъ по отношенію къ новопросвѣщенному, о необходимости и важности воспитанія его въ духѣ православной церкви. Повѣнчаетъ кого, выяснитъ имъ сущность воспринятаго ими таинства и укажетъ путь къ истинному семейному счастью. Кто придетъ къ нему на исповѣдь, такъ онъ всю душу его выпытаетъ, да такъ, что тотъ самъ все расскажетъ, силою своего слова, заставитъ его сознать всю грязь грѣховъ своихъ, всю тяжесть вины предъ Богомъ; въ случаѣ законсѣлости во грѣхахъ кающагося ярко нарисуетъ ему картину его нравственной нечистоты и будущихъ вѣчныхъ мученій, или инымъ способомъ, но смягчитъ зачерствѣвшее сердце и склонитъ его къ сердечному раскаянію; въ случаѣ малодушія и крайняго унынія кающагося, словомъ о милосердіи и благодати Божіей утѣшитъ и ободритъ его къ обновленной, Богоугодной жизни; и бывало каждый уходитъ отъ него съ видомъ смиреннаго, но въ то же время и сильнаго духомъ человѣка. Позовутъ его на молебень, отслужитъ, потомъ распроситъ о причинѣ, побудившей къ молебствію. При благодарственномъ молебнѣ поблагодаритъ за незабвеніе милостей Божіихъ, при просительномъ — побесѣдуетъ о безконечности любви Божіей и о силѣ молитвы. Больного утѣшитъ упованіемъ и вѣрою во всемогущество Божіе и благодать его. Умирающаго утѣшитъ описаніемъ красотъ и блаженства загробной вѣчной жизни и упованіемъ на милосердіе Божіе ко всѣмъ кающимся во грѣхахъ своихъ и тутъ укажетъ на примѣры спасенія и разбойника, и блудницы и т. п. Гдѣ узнаетъ о раздорѣ семейномъ, всѣ силы приложитъ къ тому, чтобы примирить ихъ между собою, и рѣдко его искреннее слово о любви не достигало цѣли. Вообще, онъ пользовался требами, какъ удобнымъ случаемъ, кого

наставить, кого утѣшить и всѣхъ направить къ истинному счастью, залогъ котораго внутри самого человѣка. Особенно о. Алексѣй былъ нѣженъ къ бѣднымъ. У нихъ онъ часто подолгу засиживался, бесѣдуя о временности, ложности и гибельности земныхъ благъ, о сладости креста Христова и о будущей наградѣ за терпѣливое, безропотное перенесеніе земныхъ страданій во Имя Христово, и объ униженіи и посрамленіи въ будущей жизни грѣховнаго богатства предъ непорочною бѣдностію, и рѣдко, бывало, не вызоветъ онъ у слушателей слезы умиленія и утѣшенія. Гдѣ замѣчалъ онъ крайнюю бѣдность, то не только не бралъ денегъ, но самъ помогалъ имъ. Нерѣдко на первыхъ порахъ попадало ему за это безкорыстіе отъ матушки. Но онъ, бывало, только скажетъ: „Я думаю, Лиза, и убѣжденъ, что, если бы ты сама побывала тамъ, откуда я пришелъ, то еще прибавила бы отъ себя къ тому, что я подалъ имъ. Да и куда тебѣ много-то нужно? Не все ли твое? Дѣлай себѣ, что хочешь. Только помни, что деньги, наряды, обстановка счастья тебѣ не дадутъ. Придетъ время, когда все это и тебѣ противно будетъ. Больного ушами даже самая чудная музыка раздражаетъ, больному глазами, сильный свѣтъ — страданіе, больному желудкомъ изысканная кухня — отвращеніе. И такова участь всѣхъ благъ и красотъ земныхъ. Истинное счастье внутри насъ, — въ нашемъ душевномъ мирѣ, въ нравственной гармоніи человѣка. А мнѣ? ты знаешь мои взгляды и убѣжденія? — ничего не надо. Я не намѣренъ ничего брать съ собою на тотъ свѣтъ, кромѣ души своей. А тебя, увѣренъ, Богъ не оставитъ, только уповай на Него и живи неразлучно съ Нимъ, носи Его въ сердцѣ Своемъ. Вспомни, что я былъ раньше? До семи лѣтъ бѣгалъ въ полубѣльѣ, питался двадцать лѣтъ пустыми щами да кашей, да и то не досыта, ходилъ въ казинетѣ, а теперь, видишь, столичнымъ священникомъ сталъ; кто меня раньше стыдился, теперь ко мнѣ съ почтеніемъ идетъ. Вотъ какова сила-то и благодать Промысла Божія!“ „Богъ-то Богъ, да самъ будь не плохъ. Дѣтей-то сколько у насъ будетъ, вѣдь, ты не знаешь? Надо ихъ будетъ воспитать, устроить. Не по твоей же дорогѣ ихъ жизнь начинать, не твою имъ спартанскую школу про-

ходить. Нынче времена другія стали. Въ твоёмъ-то казинетѣ въ порядочное учебное заведеніе и не примутъ. Посмотри на другихъ-то, о. Василя: о. Симеона. Со всѣхъ берутъ, и никто на нихъ не ропщетъ. И ты не даромъ берешь, а за службу, за труды, свои еще деньги на извозчиковъ тратишь. Тоже, вѣдь, твоя благотворительность два конца имѣетъ, — можно толковать ее, какъ средство къ популярности, къ славѣ“, отвѣтитъ ему жена. „Погоди, погоди, матушка, что ты изъ-за пустяковъ расходилась. Отказавшись отъ грошей и давъ гроши, я не въ убыткѣ. Вотъ вчера за двѣ требы у купцовъ NN. получилъ по 5 руб., а сегодня ничего не взялъ, сообрази, еще какую высокую благодарность я принесъ тебѣ за ничтожные свои труды, и именно за ничтожные, потому что тѣло мое работало мало, а пережитыя мною чувства мои собственные, и я воленъ ихъ цѣнить и не цѣнить“. „Тогда-бы идти тебѣ лучше въ монахи, — скажетъ жена. „А я тебѣ говорю, долгъ каждого пастыря церкви быть такимъ, къ чему я только стремлюсь. И ты знала, что идешь за священника, а не за ремесленника. А другіе по твоему ужъ и не пастыри“? Вотъ гордость-то! — возразитъ жена. Тогда о. Алексѣй, обыкновенно, возмутясь духомъ, скажетъ: „Впрочемъ, довольно. Давно еще сказано: „Нѣсть пророкъ познанъ въ отечествѣ своемъ; подольше поживешь, поймешь меня и тогда сама себя осудишь за свои настоящія рѣчи“, — и уйдетъ къ себѣ въ кабинетъ. И дѣйствительно, не проходило и десяти минутъ, какъ жена его приходила къ нему въ кабинетъ съ раскаяніемъ въ своемъ заблужденіи, поощряла его взгляды и труды и старалась всячески успокоить его. Видъ имѣлъ о. Алексѣй большею частію задумчивый, сосредоточенный въ себя, все какъ-будто у него какой камень на сердцѣ лежитъ. Особенно таковымъ возвращался онъ съ исповѣди, напутствія больного, иногда и съ другихъ требъ. Это очень озабочивало матушку, да и не нравилось ей это преждевременное старчество мужа, а главное, — она опасалась за его здоровье. — Отчего ты такой грустный? не боленъ-ли ты? или чѣмъ не доволенъ? — бывало, пристанетъ она къ нему съ распросами. „Всѣмъ я доволенъ“, скажетъ, „и служеніемъ своимъ, и тобою, и своею жизнію и

за все благодарю Бога и тебѣ совѣтую тоже дѣлать. Самъ я здоровъ. А вотъ больныхъ у меня много".—Какъ больныхъ? кто больные? Ужъ не меня-ли ты больной считаешь? „Нѣтъ, не ты. Опять ты, Лиза, меня не понимаешь или понять не хочешь. И это меня очень волнуетъ, потому что ты ближе всѣхъ ко мнѣ. Еще не удивляло-бы меня, еслибъ другіе ложно меня понимали. Вотъ N хочетъ разводиться съ своимъ мужемъ, увлекъ ее какой-то кавалергардъ — любитель до приключеній и легкихъ наслажденій. Что будетъ съ ними, если состоится это несчастье? а съ дѣтьми? Вотъ купецъ В. хочетъ описать все имущество Л. и пустить его по міру съ большою семьею, да еще вдобавокъ съ больной женою, матерью-старухой, а дѣти? — пять малютокъ, одинъ другого меньше. Вотъ N разсорился изъ-за пустяковъ съ управляющимъ, отказали отъ мѣста. Не перенесъ обиды, ударился въ пьянство, семья голодаетъ, а я знаю, онъ человѣкъ честный, хорошій. Вотъ у N на фабрикѣ руку машиной оторвало и ногу повредило, пособія не даютъ, семья бѣдствуетъ. Вотъ у N горничную старшій сынъ обезчестилъ, мать узнала, прогнала ее, теперь она съ горя по худой дорогѣ пошла. Вотъ N на биржѣ проигрался, не можетъ перенести разлуки съ дешевой роскошью и хочетъ покончить съ собою. И много еще есть разныхъ такихъ. Развѣ это не больные все? Развѣ это не люди на краю гибели? Развѣ это не несчастные, жалкіе страдальцы? Только и разницы между ними, что одни болѣютъ своими собственными духовными недугами, другіе отъ ударовъ судьбы и отъ слабости воли. И эти болѣзни посильнѣе бронхита, тифа и чахотки. Онѣ причиняютъ страданія не только больнымъ, но и окружающимъ, даже всему обществу, и онѣ не ограничиваются только здѣшнею жизнью, какъ тѣлесныя болѣзни, а оставляютъ слѣдъ въ исторіи человѣчества и переходятъ за каждымъ въ его вѣчность. Исцѣлить такого больного—все равно, что спасти утопающаго, даже болѣе того—воскресить умершаго. А лечить-то ихъ какъ? вотъ надъ чѣмъ нужно и можно подумать. Когда человѣкъ заболѣетъ тѣломъ, онъ самъ идетъ ко врачу, все ему рассказываетъ и всякое его лекарство, какъ-бы оно

противно ни было, принимаетъ. Такъ не чудо тамъ и исцѣлить больного. А тутъ надо самому идти къ больному, а какъ придешь къ нему, когда тебя не зовутъ? Чтобъ вѣрное лекарство прописать, надо узнать все о болѣзни; а какъ узнаешь объ этомъ, когда эти больные душею сами не признаютъ себя больными, да еще могутъ счесть за личное оскорбленіе, за странное вмѣшательство въ чужія дѣла твои распросы? Тутъ надо еще придумать удобный, благовидный и законный случай, чтобы только придти къ больному, а взять его подъ свою опеку еще труднѣе. Особенно... какъ представишь себѣ нравственную запущенность и индифферентность къ духовнымъ вопросамъ современныхъ людей, да силу страстей человѣческихъ, да козни діавольскія къ уловленію людей въ сѣти вѣчныхъ страданій и муки, такъ куда трудно изобрѣсти вѣрный путь къ сближенію съ этими больными. Къ тому-жъ, лекарство вещественное когда принимаютъ люди, то ощущаютъ сразу, что приняли его, и потому вѣрятъ въ силу его и снова охотно его принимаютъ, а лекарство духовное не для всѣхъ становится сразу ощутительнымъ: только тотъ сразу ощущаетъ его сладость и силу и врачество, кто живетъ духовною жизнію, а законнѣлымъ въ грѣховной жизни требуется много и долго принимать это лекарство, чтобъ почувствовать въ себѣ его силу и сладость, а потому они на первыхъ же порахъ съ недоувѣріемъ относятся къ нему и скоро оставляютъ; да такимъ людямъ оно бываетъ и тяжело, иногда и противно. Такъ тутъ еще много требуется личныхъ достоинствъ, чтобы расположить такого больного къ себѣ такъ, чтобы онъ, и при возникающихъ сомнѣніяхъ, имѣлъ вѣру въ силу совѣтовъ твоихъ и въ искренность любви твоей. А какъ на всѣхъ угодишь, какъ всѣмъ понравишься? Притомъ же ты знаешь, всѣ больные—капризны, а больные душею еще болѣе, и имъ угодить очень трудно. Такъ, вотъ, тутъ по неволѣ будешь задумчивъ".—Такъ охота тебѣ съ ними возиться; они себя не жалѣютъ, а ты спасай ихъ; только попусту свое здоровье убивать, скажетъ жена. Ахъ, Лиза, опять ты по своему. Пойми же, что они страдаютъ отъ страстей своихъ, и страдаютъ потому, что страсти ихъ

ослѣпили ихъ умственный взоръ, такъ что они не могутъ найти путь высвободиться отъ страданій своихъ и путь къ истинному счастью, и мысль ихъ, удалившись отъ Божественнаго свѣта, не въ силахъ видѣть предметы и жизнь въ томъ видѣ, какъ они есть. И страданія ихъ страшны такъ, что ты представить себѣ не можешь, да еще прибавь, что они отравляютъ душу и для будущей жизни. Такъ, какъ же не жалѣть ихъ? какъ не заботиться о ихъ спасеніи? А что касается моихъ за нихъ думъ, такъ ты неправильно меня понимаешь, предполагая, что это для меня убійственные страданія. Напротивъ, я былъ - бы, или, по крайней мѣрѣ, считалъ - бы себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ холодность, равнодушіе къ этимъ страждущимъ. Тогда не было - бы у меня ощущенія міровой жизни, хоть ничтожнаго мірового значенія, а вмѣстѣ съ этимъ не было - бы и мира въ душѣ. Если я страдаю, то только тѣмъ, что иногда чувствую свою невозможность сблизиться съ этими людьми, расположить ихъ къ себѣ, или чувствую въ себѣ безсиліе помочь имъ, облегчить ихъ страданія, спасти ихъ отъ гибели. А это достигается чрезъ размышленія, почему я все и хожу задумчивымъ. А еслибы ты знала, какое невыразимое блаженство избавить человѣка отъ страданій, спасти отъ гибели? Для этого жизни своей можно не пожалѣть, такъ пріятно ощущать это въ сердцѣ своемъ, ощущать нравственную свою связь чрезъ любовь со всѣмъ міромъ. Поистинѣ должно быть невыразимо высоко, чудно, сладостно блаженство, когда будетъ Единъ Богъ всяческая во всѣхъ, и всѣ чрезъ любовь будутъ въ Немъ! Изрѣдка бывалъ о. Алексѣй и въ веселомъ расположеніи духа.

Тогда онъ ужъ сразу изобличалъ себя, потому что радость его охватывала всего и проявлялась во всемъ. Домой не идетъ, но спѣшитъ. Звонокъ подастъ сильный. Входитъ не въ кабинетъ къ себѣ, какъ обыкновенно бываетъ, а скорѣе старается встрѣтиться съ своей матушкой, чтобы подѣлиться съ нею своею радостію. Лице все сіяетъ. „Что съ тобою сегодня, скажетъ жена, сегодня ты просто сіяющій, и ты

повѣрь, я очень рада этому и была-бы счастлива, еслибъ ты всегда былъ такой“. „А вотъ видишь, не правду я тебѣ говорилъ, какъ пріятно видѣть обращеніе на путь истины погибающихъ и избавленіе отъ скорби страждущихъ. Я думаю еслибъ ты могла ощутить въ себѣ мою радость, такъ ничего-бы не пожалѣла для этого“. „Такъ ужъ и ничего?— да вотъ тебя-бы пожалѣла, только, конечно, такого веселаго, а не хмурого старика. Да что такое?—говори же скорѣе, скажетъ жена“. „А вотъ что, пойдемъ въ столовую чай пить, тамъ не спѣша расскажу. Представь, сегодня служу литургію, вдругъ входитъ въ алтарь Н., принимаетъ благословеніе, подаетъ просфору, молится усердно и до конца литургію простоялъ, а послѣ говоритъ: „дѣйствительно, батюшка, много жизни въ храмѣ Божиѣмъ“. „Такъ что-же?“ Да какъ что? Вѣдь Н. 15 лѣтъ въ храмѣ и на исповѣди не бывалъ, матеріализмомъ да толстовщиной увлекся, а теперь въ лоно Церкви Божіей вернулся, вѣдь это блудный сынъ, вернувшійся въ домъ отца своего, овца заблудшая и вернувшаяся къ доброму пастырю своему. Да еще этого мало: Н кавалергарда своего бросила, да еще осрамила его и теперь, какъ бы въ возмездіе за свой тайный грѣхъ, такую нѣжностію окружила своего мужа, что у нихъ теперь не жизнь, а рай, такъ молодыми не жили. За Н. я упросилъ управляющаго, его снова на мѣсто приняли. Убогому пожизненную пенсію дали. И всѣхъ ихъ я сегодня видѣлъ, какъ всѣ они рады, счастливы, всѣ Бога славятъ“. „Ну, и слава Богу, сказала матушка, дай Богъ тебѣ побольше такихъ веселыхъ дней, и это еще болѣе увеличило радостное настроеніе о. Алексѣя.

Такое отношеніе о. Алексѣя, къ своему пастырскому долгу и такая любовь его къ паствѣ, естественно, не могла не отразиться и на чувствахъ и отношеніяхъ къ нему паствы. Популярность его въ приходѣ день ото дня разрасталась и переходила за его предѣлы. Скоро стали стекаться въ этотъ храмъ и изъ другихъ приходоѡвъ. Всѣмъ хотѣлось, чтобы непременно онъ отслужилъ молебенъ, или справилъ у нихъ церковную потребу. Къ нему стали стекаться за совѣтами и утѣшеніемъ, и день ото дня звонки въ его квартиру отъ такихъ посѣтителей стали учащаться. Всѣ его

искренно любили и всячески старались чѣмъ-либо засвидѣтельствовать свою любовь.

Такое отношеніе народа къ о. Алексѣю не по душѣ было для другихъ его сослуживцевъ. Онъ являлся предъ ними какъ бы безмолвнымъ обличителемъ ихъ предъ народомъ. Къ тому жъ, параллельно росту популярности о. Алексѣя въ приходѣ, ихъ доходы стали сокращаться, и это еще болѣе усиливало ихъ недовольство своимъ собратомъ. Поэтому онъ не только не пользовался среди своей братіи любовью, но нерѣдко выслушивалъ отъ нихъ упреки въ фарисействѣ, самомнѣніи, стремленіи къ оригинальности и исключительности, обличенія въ ложномъ святошествѣ, и открытыя заявленія, — что они его не любятъ. А за глаза говорилось про него среди братіи и еще больше, даже бывали бесѣды о томъ, какъ-бы выжить его изъ своего прихода.

Такое отношеніе братіи невыносимой болью терзало сердце о. Алексѣя. На первыхъ порахъ онъ пробовалъ было оправдываться защищаться, развивалъ предъ ними идею, что задача пастырства не въ утилизаціи дара благодати и выработанныхъ церквію службъ и молитвословій, сообразно такѣ приношеній и вознагражденій, а въ удовлетвореніи внутреннихъ и возвышенныхъ запросовъ души человѣка и даже доказывалъ, что отъ такой службы народу — не по внѣшнему виду человѣка и количеству его приношеній, а по его внутреннему, нравственному состоянію, — они не будутъ и въ убытокъ, что народъ, когда почувствуетъ на себѣ сладость и дѣйственность для души пастырскаго служенія, не уйдетъ безъ службы отъ пастыря по капризу, что его просьбы не исполнили сейчасъ и раньше другихъ, а прійдетъ въ другой разъ и даже будетъ хвалить пастырей, что они изъ чело-вѣкоугодничества и матеріальныхъ расчетовъ не допускаютъ поспѣшности, небрежности и формализма въ службѣ, и понесетъ послѣдній свой излишекъ своимъ пастырямъ. Но эти его рѣчи не убѣждали сослуживцевъ, воспитанныхъ въ старой, хотя и строго-церковной школѣ, но пропитанной схоластикомъ, рабствомъ предъ буквой и формой и въ осадкахъ быта духовенства при крѣпостномъ правѣ. Убѣдившись въ бесполезности подобныхъ объясненій съ своими собратъ-

ями, о. Алексѣй предоставилъ будущее своихъ отношеній къ нимъ промыслу Божию и только взявъ себѣ за право ежедневно молиться Богу объ умиротвореніи его съ братіей и о мирѣ и духовномъ единеніи между собою всѣхъ пастырей церкви и здѣсь онъ находилъ единственное себѣ утѣшеніи и ободреніе къ неуклонной твердости въ направленіи своего служенія. Впослѣдствіи, видя стойкость въ убѣжденіяхъ и направленіи жизни о. Алексѣя, сослуживцы примирились съ нимъ и стали относиться къ нему съ уваженіемъ. Это очень радовало о. Алексѣя, вызывало въ немъ слезы благодарности и за это онъ старался всѣмъ быть полезнымъ, по просьбѣ каждого, охотно справлялъ за нихъ требы и былъ любезенъ со всѣми. Такъ протекли 40 лѣтъ служенія въ священномъ санѣ о. Алексѣя: въ продолжительной, нервной молитвѣ, въ ежедневномъ хожденіи по требамъ, въ безпокойствѣ, въ волненіяхъ и тяжелыхъ внутреннихъ страданіяхъ за чужое горе, въ страданіяхъ невидимыхъ и непонятныхъ для людей, съ промежутками рѣдкаго, но полного счастья.

II.

Не ошиблась матушка въ своихъ предчувствіяхъ. Такіе самоотверженные труды, на благо паствы, въ концѣ концовъ сильно потрясли здоровье о. Алексѣя. Въ роковой 68-й годъ онъ сразу упалъ силами. Недѣли двѣ и въ это время, не смотря на всѣ убѣжденія своей семьи (тогда у него было уже 3 взрослыхъ сына и двѣ дочери), онъ перемогался, служилъ въ церкви и ходилъ, насколько выносили его силы, по требамъ. Такъ онъ любилъ свое служеніе, свою паству, а главное, свой пастырскій долгъ ставилъ выше своей жизни. Наконецъ, то было 1-го октября, онъ еле пришелъ домой изъ церкви и самъ сказалъ: „больше я никуда не гожусь, и ни Богу, ни людямъ не нуженъ“. Легъ въ постель и съ этихъ поръ болѣе уже не вставалъ. Врачи признали въ немъ крайній упадокъ и истощеніе силъ и объявили семьѣ, что на выздоровленіе его надеждъ мало, а потому нужно быть готовымъ ко всему. И дѣйствительно,

не продолжительна была его болѣзнь, съ небольшимъ двѣ недѣли. Но много пережилъ онъ за это время. Подъ вліаніемъ постепеннаго упадка физическихъ силъ, о. Алексѣй не только предчувствовалъ, но и сознавалъ близкій конецъ своего земного странствованія. „Теперь уже ясно я вижу что Господь отзываетъ меня въ иной міръ, камо же путь знаю, но гдѣ пристанище мое тамъ, не знаю“, такъ отвѣчалъ онъ на распросы о его здоровьѣ. „И благодарю Бога, что Онъ отзываетъ меня отсюда не врасплохъ, а даетъ еще время очистить душу свою покаяніемъ. Дай Богъ этого всякому христіанину. Уже будучи чуждъ для всего земнаго, какъ бы умеревъ для плоти, онъ всецѣло предался воспоминанію всей своей жизни, испытанію своей совѣсти. Семья, зная любовь его къ созерцательной жизни и желая всячески усладить остатокъ дней его, намѣренно подолгу оставяла его самого съ собою, лишь изрѣдка и не надолго отрывая его отъ этихъ мечтаній. Тутъ онъ усиливался вызвать въ памяти всю свою жизнь отъ самаго ранняго дѣтства и до мельчайшихъ подробностей. И ярко рисуется предъ его сознаниемъ шагъ за шагомъ вся исторія его жизни, и какъ будто онъ все сначала переживаетъ. Вотъ онъ полуголодный, полуодѣтый сынъ бѣднаго дьячка села Березовки, бѣгаетъ со своими крестьянскими сверстниками; кроткая, любвеобильная мать грозитъ въ окошко: „Леша, не шали, а то отцу скажу, гулять больше не пустить“. На минуту присѣлъ и опять по травѣ кататься, и опять взявъ въ ротъ веревку, въ лошадки играть. Рѣзвый былъ мальчикъ, веселый. Идетъ отецъ, по старинному, въ длинномъ, но потертомъ и испостренномъ заплатами полукафтаниѣ, съ косичкою на головѣ, видитъ: Лешутка отъ бездѣлья играетъ, и дѣланымъ строгимъ голосомъ крикнетъ: „Лешутка, ты что бездѣльничаешь, нѣтъ чтобъ отцу на покось хоть квасу принести? живѣй, маршъ со мной на покось сѣно шевелить“. А Лешутка и радъ, тамъ и привольно играть и мягко по травкѣ кататься, и травка теплая, душистая такая, и товарищей успѣлъ уже съ собой пригласить, и веселѣй будетъ и скорѣе они сѣно просушатъ. Такъ онъ любилъ на всѣ полевые работы бѣгать и любилъ тамъ не только играть, но что-нибудь сдѣ-

латъ, помочь отцу и другимъ, и тутъ онъ, кого можно, по-выспросить, что для чего и какъ дѣлается. Здѣсь онъ получилъ зародышъ любви къ природѣ, къ ея дѣйствительной красотѣ и усладѣ и любви къ честнымъ труженикамъ и къ труду. Вотъ въ первый разъ посадили его за книжку, то было зимою, незадолго передъ Николинымъ днемъ. Указкой изъ лучинки водить онъ по крупнымъ буквамъ азбуки, а отецъ сзади твердить: азъ, буки, веди... А вотъ уже онъ самъ складываетъ и громко выкрикиваетъ: буки, арцы, азъ-бра, веди, арцы, азъ-вра... А вотъ уже и читаетъ псалтирь: „Иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ...“, и отецъ сзади добавляетъ: „Такъ и ты, Леша, смотри, никогда не водись съ худыми товарищами, съ лѣнтяями, шалунами, а то тоже погибнешь, въ пастухи только тогда дорога“. За отмѣнные, по мнѣнію отца, успѣхи и прилежаніе въ наукѣ, къ Пасхѣ сшили ему новые изъ русскаго товара сапоги съ красною вверху голенищъ опушкой, каковыя, впрочемъ, разрѣшено было ему надѣвать пока только къ обѣднѣ, исключая Святой, когда онъ носилъ ихъ всю недѣлю. А въ Петровъ день священникъ о. Мартирій благословилъ Лешутку прочитать первый часъ. Прочиталъ мальчикъ бойко, все село заговорило, какой шустрый къ наукамъ сынъ у Андреича. А Тимоѣей Андреичъ, отецъ Лешутки, даже не разъ прослезился во время перваго часа. А о. Мартирій поцѣловалъ Лешутку и сказалъ: „Быть тебѣ, Лешутка, попомъ, дарованіе тебѣ, видимо, Богъ далъ, учишь только, не лѣнись“. Въ слѣдующую зиму, не переставая читать псалтирь, выучилъ Лешутка, подъ руководствомъ отца четыре дѣйствія ариѳметики, таблицы умноженія и начальныя молитвы. На другой годъ опредѣлили въ духовное училище. Хорошо было это дѣтство!—вдругъ вырывается изъ груди о. Алексѣя. Услышала семья. Не бредитъ ли онъ? — говоритъ Соня, младшая дочь о. Алексѣя. А вотъ я посмотрю, говоритъ мать. Алексѣй Тимоѣевичъ, ты не спишь? Нѣтъ, моя матушка, такъ съ ребятами на сѣнокосѣ играю, стараюсь улыбнуться, отвѣчаетъ. Ты бы лучше заснулъ, вѣдь, сонъ лучше всякихъ лекарствъ укрѣпляетъ силы. Нѣтъ, я спать не хочу, такъ мнѣ лучше. Ну, коли лучше, такъ мечтай, а все лучше бы

поспать тебѣ, скажетъ жена и уйдетъ. И радъ о. Алексѣй, что не надолго прервали его и снова мечтаетъ. Да, хорошо это дѣтство! Ничего тебѣ не нужно, кромѣ природы, теплаго солнца, да травки зеленой, да рѣчки веселой, живой. Въ сердцѣ ни злобы, ни лести, ни жадности и корысти, ни зависти, ни страсти въ тебѣ ни бушуютъ, одна лишь любовь. И такъ все весело, все радостно. Побранятъ, высѣкутъ, поплачешь, а черезъ минуту уже все это забылъ, и снова радостно и весело. И грѣха-то тутъ никакого не припомнить. Шалости, да въ нихъ ни страстей, ни злобы нѣтъ. Вотъ развѣ когда родителей послушался или чѣмъ огорчилъ. Прости меня, Господи! Въ школѣ онъ сразу обратилъ на свои способности вниманіе учителей, а внимательность въ классѣ, прилежаніе въ ученіи и хорошее поведеніе снискали ему и любовь начальства и уваженіе отъ товарищей. Пріѣхалъ домой на святки съ круглыми пятерками. Мать не знаетъ, чѣмъ и накормить сына, и лепешекъ испечетъ, а что за лепешки? просто такъ отъ избытка злости, и курицу сварить, и баранины пожарить, чуть не все добро за праздники израсходовала, что за четыре мѣсяца для сына копила, а все думаетъ, мало поласкала сына. Радъ и отецъ, да ласку свою боится обнаружить своему сыну ненаглядному, какъ бы изъ строгости не выпустить и не дать повадки къ самообольщенію, къ гордости, къ самонадѣянности да къ баловству. „Молодецъ теперь ты, Лешутка, только смотри не слети съ этого мѣста, а то пріѣду къ тебѣ и самъ попрошу начальство выдрать тебя передъ всѣми, стыдно будетъ тогда, не срами ни себя, ни отца. Будешь худо учиться, опять говорю, придется въ пастухи идти, по нынѣшнимъ временамъ и на мое мѣсто безъ большой науки не попадешь, а знаешь наше-то житье каково сладко? такъ думай о себѣ и старайся, а я что тебѣ могу помочь, куда я тебя пристрою, у меня кромѣ хаты, коня, коровы да ветхой сбруи ничего нѣтъ, и человѣкъ я маленькій“. Только и скажетъ бывало Тимошей Андреевичъ своему сынку въ ласку. Твердо запали эти простыя, нѣжныя слова въ дѣтскую, но впечатлительную душу Алеши. Высоко цѣнили онъ славу ученую и всѣми силами старался удержать

ее за своимъ именемъ. Много нужды пережилъ, перенесъ, перестрадалъ онъ за время ученія: голодъ и холодъ, заплата, рваная обувь и платье, грязь, паразиты, болѣзни, усталость и слабость—родные то были все братья и спутники жизни. *Да тяжело* было. А какъ отпустятъ домой на лѣтнія каникулы, все сразу забудешь, съ котомкой на плечахъ версты три чуть не бѣгомъ пролетишь, а остальные 40 и не замѣтишь какъ пройдешь, и хоть всего разъ въ дорогѣ поѣшь, а устатку не чувствуешь. Придешь домой, и опять радостно, весело на душѣ. Вотъ опредѣлили въ семинарію. Тутъ на первыхъ порахъ потруднѣе жилось. Квартиры дороже, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ. Да родителей Господь Богъ тяжелымъ испытаніемъ посѣтилъ. Въ одинъ годъ корова пала отъ мора. Черезъ годъ хлѣбъ весь градомъ побило. Сами хоть не ѣвши сиди, доходы, извѣстно, въ селѣ ужъ какіе,—деньгами 7 красненькихъ въ годъ—хорошо, а сыну послать на содержаніе плохо 4 руб. на мѣсяцъ надо. Въ долги тутъ родители впали. А сколько униженія, слезъ положили при этомъ. Прости меня, Господи,—что я недостаточно слезы, страданія и всю любовь, родительскую цѣнилъ! Простите меня, дорогіе питомцы-родители, что я на слезахъ вашихъ счастье себѣ составлялъ и, ради уменьшенія вашихъ страданій, не бросилъ ученья тогда! Одно ободряло тогда,—во вкусъ науки входитъ уже сталъ и конецъ наукъ виденъ былъ. Года чрезъ три полегче житье наступило: два урока досталъ по два рубля за урокъ, и занятій немного—3 часа всего въ сутки, отъ квартиры по тогдашнему недалеко—всего въ двухъ верстахъ. А съ 5-го класса за успѣхи въ ученіи стипендію дали въ 60 руб. въ годъ. Тутъ грѣхи уже были. Тутъ уже въ возрастъ я сталъ приходять. И зависть, и ложь, и раздраженіе, и осужденіе, и гордость, и непослушаніе и непочтеніе къ старшимъ, и безуміе, и помыслы страстные душу тогда посѣщали. И табакъ курить я тогда научился, все хотѣлось съ большими сравняться, да и товарищи смѣялись: что ты за семинаристъ,—и не пьешь и не куришь, пить не хотѣлъ и это противно мнѣ было, а табакъ курить сталъ, пусть не смѣются, а потомъ и привыкъ. Отъ отца это долго скрывалъ, а когда кончилъ курсъ въ семинаріи, сознался.